



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 6, pp. 1401–1409, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>



УДК / UDC 398.32


DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1401-1409

Образ культурного героя Сартакпая в алтайском фольклоре


Тамара Михайловна Садалова¹, Татуна Николаевна Паштакова²

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-7984-2379. E-mail: sadalova-t@mail.ru

² Университет Внутренней Монголии (234, ул. Западная Университетская, 010021 Хух-Хото, КНР) аспирант

 0000-0003-2659-3572. E-mail: ms.tatuna@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Садалова Т. М., Паштакова Т. Н., 2022

Аннотация. *Введение.* Мифология алтайцев представляет особую религиозно-мифологическую систему, поскольку исторические и культурные связи алтайцев уходят вглубь древней и средневековой истории тюркских и монгольских народов Центральной Азии. В статье проводится анализ алтайских мифов о культурном герое Сартакпая, образ которого хорошо известен в фольклоре многих народов Южной Сибири и Монголии. *Целью* настоящей работы является выявление мифологических оснований в системе культурного ландшафта или этнокультурного пространства алтайского народа. *Материалы и методы.* Обозначенная цель требует выявления механизмов, которые обеспечивают жизнедеятельность религиозно-мифологической традиции, механизм отбора, сохранения или удаления тех ли иных фрагментов из сюжетов мифов, сказок, преданий. Для решения поставленных задач значимость приобретает сочетание традиционных методов исследования фольклора с междисциплинарным подходом. Авторами используется сопоставительный метод межжанровых текстов алтайского фольклора с привлечением сравнительного материала родственных народов. Это позволяет рассмотреть религиозно-мифологическую систему алтайцев в тесном взаимоотношении с мифологической картиной мира, выявить некоторые новые измерения и уточнить отношения ее «древних» и «новых» пластов. *Результаты.* По самому общему определению, мифология алтайцев носит преимущественно этиологический характер и выражает мироощущение и взгляды их далеких предков на окружающий мир. В систему культурного ландшафта или этнического пространства алтайцев входит и понятие его мифологического освоения. Наравне с иерархией божеств, духов, каждый из которых имеет в трехмерном пространстве свою нишу, есть культурные герои, которые непосредственно занимались обустройством конкретных мест, рек, озер в среднем мире. К числу наиболее популярных героев фольклора алтайцев, с именем которого

связывают происхождение того или иного объекта природы, относится Сартакпай. В алтайской мифологии он является одним из самых активных строителей среднего мира людей — обитателей Алтая. Его образ созидателен, он — творец, оставивший после себя множество результативных свидетельств в культурном наследии алтайского народа. Они стали неразрывной частью и современного бытия народа, который продолжает его воспринимать не только мифологическим персонажем, но и как реального человека, прославившего себя добрыми делами. Поэтому образ Сартакпая продолжает занимать свое место и в современных процессах этнокультурного наполнения этнического пространства.

Ключевые слова: мифы алтайцев, религиозно-мифологическая система, культурный герой, Сартакпай, природные объекты, историзм фольклорных текстов


Для цитирования: Садалова Т. М., Паштакова Т. Н. Образ культурного героя Сартакпая в алтайском фольклоре // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1401–1409. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1401-1409

Culture Hero Sartakpai: The Image in Altaian Folklore Revisited

Tamara M. Sadalova¹, Tatuna N. Pashtakova²

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-7984-2379. E-mail: sadalova-t@mail.ru

² Inner Mongolia University (234, West University Road, 010021 Hohhot, People's Republic of China)
Postgraduate Student

 0000-0003-2659-3572. E-mail: ms.tatuna@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Sadalova T. M., Pashtakova T. N., 2022

Abstract. Introduction. Altaian mythology is a distinct religious and mythological system, since historical and cultural ties of the Altai people go deep into the ancient and medieval history of Central Asian Turks and Mongols. The article analyzes Altaian myths centered around the culture hero Sartakpai whose image is widely known in folklore traditions of Southern Siberia and Mongolia. *Goals.* The work aims to identify mythological foundations in the system of cultural landscapes (or ethnocultural space) inherent to the Altai people. *Materials and methods.* To facilitate this, it is urgent to reveal mechanisms that sustain the religious and mythological tradition, and serve to select, preserve or remove certain elements in plots of myths, folktales, and legends. So, it is a combination of traditional folklore research methods and an interdisciplinary approach that proves instrumental therein. The paper examines multi-genre texts of Altaian folklore from a comparative perspective, and involves comparative materials of related cultures. This makes it possible to consider the Altaian religious and mythological system in its close relationship with the mythological world view, identify some new dimensions, and actualize relations between its 'ancient' and 'new' layers. *Results.* It is generally agreed that Altaian mythology is largely etiological by nature and tends to express worldviews and attitudes of the people's distant ancestors. The Altaian system of cultural landscapes (or ethnic space) comprises a concept of its mythological development. Hierarchically arranged deities and spirits — each occupying a special niche in three-dimensional space — co-exist with culture heroes that had arranged (developed) certain places, rivers, lakes in the Middle World. And it is Sartakpai who proves a most popular hero of Altaian folklore and whose name is associated with origins of some natural objects. In Altaian mythology, he is viewed as a most active builder of the human-inhabited Middle World — and a native of the Altai. His image is creative, and it is him who had left behind lots of productive evidence in cultural heritage of the Altai people that survive to date, the culture hero himself being still perceived as a glorified historical figure rather than a mythological character. Therefore, the image of Sartakpai persists in present-day ethnocultural processes and discourse.

Keywords: Altaian myths, religious and mythological system, culture hero, Sartakpai, natural objects, historicism of folklore texts

For citation: Sadalova T. M., Pashtakova T. N. Culture Hero Sartakpai: The Image in Altaian Folklore Revisited. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1401–1409. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1401-1409



Введение

Мифология алтайцев представляет особую религиозно-мифологическую систему, исследование которой требует обширной источниковедческой базы, поскольку исторические и этнокультурные связи алтайцев уходят вглубь древней и средневековой истории тюркских и монгольских народов Центральной Азии. При этом исследователи отмечают, что граница общепринятого разделения религиозно-мифологических традиций народов Центральной Азии на «степные» и «лесные» достаточно подвижна. Исторический парадокс, по их мнению, заключается в том, что если архаичные элементы «степной» мифологии частично можно восстановить по древним письменным памятникам, то более ранняя «лесная» мифология известна лишь по полевым исследованиям последних двух столетий [Неклюдов 2019: 13].

Отмеченная исследователями подвижность границ между религиозно-мифологическими традициями народов обширного центральноазиатского региона находит подтверждение на конкретных материалах, которые хорошо известны исследователям [Гарф, Кучияк 1939; Каташ 1978; Алтайские мифы 1994; Несказочная проза 2011]. Одним из таких убедительных примеров подвижности традиций выступают мифы о культурном герое. Наиболее известным в религиозно-мифологической системе тюркских и монгольских народов является образ Сартакпая¹ или Сартактая. Мифы и предания об этом тюрко-монгольском демиурге хорошо известны не только алтайцам, но и монголам, бурятам, ойратам Синьцзяна, хакасам, тувинцам и др.

В Монголии он известен под именами Сартактай, Сартанбай, Жааханз [Сампилдэндэв 1978; Монгол домог 1984: 8–12, 128; Мөнхбаяр 2014].

Монгольские исследователи в своих работах, посвященных проблеме историчности преданий о Сартактае, возводят его имя к слову *sart*, которым в VIII в. стали называть иранских торговцев и земледельцев. Впоследствии оно стало этнонимом, а затем и именем собственным [Мөнхбаяр 2006: 92–94]. Алтайские исследователи предполагают, что имя этого культурного героя происходит от слова *saradağ*, которым обозначают годовалого марала. По их мнению, предания о Сартакпае восходят к древним представлениям тюрко-монгольских народов о тотемном животном [Несказочная проза 2011: 32].

С именем Сартакпая связаны многие природные и археологические объекты на территории Западной Монголии [Потанин 1883: 285–288; Апродов 1962: 154; Бурдуков 1969: 139–141].

Монгольские исследователи отмечают, что в текстах мифов, преданий, легенд Сартактай выступает как демиург, атлант, творец. Как культурный герой он изменяет течение рек, роет каналы, создает природные объекты [Намсарай 1969: 23; Сампилдэндэв 1978: 253–257; Монгол домог 1984: 8–12; Дамдинжав 2004: 62–68]. Считается, что искусственный канал, который находится на территории Ховд аймака, был прорыт за один день Сартактаем, поскольку китайский император обещал выдать за него свою дочь, если он пророем канал до Пекина [Катуу 2003: 47]. Несколько иной вариант этого сюжета записан Г. Н. Потаниным [Потанин 1881: 170–171].

Л. П. Потапов, отмечая «мифы о народном герое» Сартакпае у алтае-саянских народов, также указывает на то, что, согласно мифам, он дал имена горам и рекам на обширной территории Алтая, а также названия зверям и птицам. Как культурный герой он строитель дорог и оросительных каналов, создатель крупных рек и озер [Потапов 1983: 108].

¹ У некоторых авторов [Гарф, Кучияк 1939: 3–7] имеется написание имени: Сартак-пай.

Таким образом, мифы о Сартакпае как о культурном герое имели широкий ареал распространения на территории Центральной Азии и Южной Сибири. Исходя из этого, целью настоящего исследования является обнаружение мифологических оснований в системе культурного ландшафта или этнокультурного пространства алтайского народа. Обозначенная цель требует выявления механизмов, которые обеспечивают жизнедеятельность религиозно-мифологической традиции, механизм отбора, сохранения или утраты тех ли иных фрагментов из сюжетов мифов, сказок, преданий.

Материалы и методы

Для решения обозначенных задач особую значимость приобретает сочетание традиционных методов исследования фольклора с широким междисциплинарным подходом. Это позволяет рассмотреть религиозно-мифологическую систему алтайцев в ее тесном взаимоотношении с мифологической картиной мира, которая, по мнению исследователей, состоит из «мифологических представлений», реализуемых в «мифологических текстах» и обретает некоторые новые измерения, уточняются отношения «верхних» и «нижних» пластов мифологии [Неклюдов 2019: 11].

По самому общему определению, мифология алтайцев носит преимущественно этиологический характер и выражает мироощущение и взгляды их далеких предков на окружающий мир [Потапов 1983: 244].

Следует особо отметить, что в систему культурного ландшафта или этнического пространства алтайского народа входит и понятие мифологического освоения или своеобразного окультуривания родной земли. Наравне с иерархией различных божеств, многообразных духов-хозяев местностей, каждый из которых имеет в трехмерном пространстве мира свою нишу, существуют представления о культурных героях, которые непосредственно обустроивали или окультуривали конкретную территорию в среднем мире, наполняя ее конкретными природными объектами: горами, реками и озерами. Поэтому, обращаясь к религиозно-мифологической системе алтайского народа, важно воспринимать и исследовать ее как некую единую духовно-материальную целостность, в которой все пласты, вклю-

чая древние и новые, не только гармонично взаимосвязаны, но и являются равнозначными по своей сути.

В качестве основного материала данного исследования используются алтайские тексты мифов, сказок, преданий и легенд о Сартакпае [Гарф, Кучияк 1939: 3–7; Алтайские мифы 1994: 72–75; Каташ 1978: 30–32; Суразаков 2015: 118–119; Окладников 1982: 151]. Исходя из содержания мифов об этом народном герое, исследователи выделяют три группы нарративов: а) сюжеты о Сартакпае, в которых говорится, что он жил в далекие времена и владел огромными территориями, на которых дал имена горам и рекам, а также названия зверям и птицам; б) сюжеты о Сартакпае, в которых он выступает строителем дорог, оросительных каналов и мостов; в) сюжеты, в которых Сартакпай предстает как создатель крупных рек и озер на Алтае и в Монголии [Потапов 1983: 97; Сампилдэндэв 1978: 254–256].

Для сравнительно-сопоставительного анализа нами были привлечены некоторые тексты монгольских мифов и преданий о Сартактае [Потанин 1883: 285–288, 737, 777, 839–840, 900; Потанин 1948: 389–340; Сампилдэндэв 1978: 253–254; Монгол домог 1984: 8–9, 12; Мөнхбаяр 2006: 106–130].

Космогонические мифы алтайцев о Сартакпае

Сартакпай, как уже было отмечено, относится к числу наиболее известных героев фольклора алтайцев, с именем которого связывают происхождение того или иного объекта природы. Существует целый цикл вариативных сюжетов и ряд топонимических названий, связанных с этим образом. В свое время алтайский фольклорист С. С. Суразаков ассоциировал Сартакпая с древнегреческим мифологическим героем Гераклом и тематически распределил известные сюжеты о нем [Суразаков 2015: 119].

Из сюжетов о Сартакпае наиболее архаичным является монгольский сюжет о змеборчестве и алтайский миф об освобождении своей земли от свирепого чудовища Дьелбегена-людоеда. В монгольском мифе, огромный трехголовый змей пожирает всех людей и зверей вокруг своей норы. Узнав об этом, Сартактай поднялся на вершину горы Думбэрэл и стал ждать, когда змей выйдет из своей норы. Когда три головы змеи пока-

зались из норы, Сартактай сорвал вершину горы Думбэрэл и придавил ею трехголовую змею. На том месте посреди обширной равнины образовался большой холм, а гора Думбэрэл с тех пор осталась без вершины [Мөнхбаяр 2006: 109].

По мнению исследователей, змееборческий мотив связан с представлением о змее как первобытном недифференцированном хаосе. Мотив змееборства, как правило, возникает вместе с государственностью. Этого мотива нет в фольклоре народов, не достигших стадии государственности [Пропп 1986: 224].

В алтайском мифе Дьелбеген-людоед обладает семью головами и невероятной мощью, перед которой бессилён любой земной герой [Несказочная проза 2011: 115]. Этот демонический персонаж олицетворяет собой мир хаоса, в котором тогда находился древний Алтай. Для того чтобы привести хаотичный средний мир, который ассоциирует Алтай, в упорядоченный мир космоса, люди с мольбой обращаются сначала к солнцу, а затем к луне. Но два небесных светила оказываются не в состоянии одолеть Дьелбегена-людоеда, не причинив вреда людям и всем живым существам среднего мира. Этот мотив принципиально важен в понимании мифологического миропорядка алтайцев. Солнце и луна, будучи необходимыми элементами космического миропорядка, обладают невероятной мощью. Однако они не в силах вмешиваться в процесс земного существования. Солнце, снижающееся к земле, чтобы спалить людоеда, может сжечь все живые существа. Приближение луны грозит заморозить всю землю. Поэтому чудовищу может противостоять только человек, но необычного происхождения, способный не только физически одолеть его, но и отправить его за пределы Алтая, т. е. среднего мира. Сразив Дьельбегена-людоеда, Сартакпай зашвырнул его на луну вместе с тысячелетней пихтой, за которую тот уцепился. С тех пор не может Луна от земли далеко уйти [Несказочная проза 2011: 115].

Следует отметить, что в этом сюжете космогонического содержания мы находим ряд объяснений тем или иным природным явлениям. Например, почему луна кружит вокруг земли, отчего произошли пятна на луне, почему месяц не всегда бывает пол-

ным [Несказочная проза 2011: 115]. Однако наряду с этим в содержании алтайской версии этого мифа мы видим гармоничное сочетание мотива заступничества героя за людей с мотивом установления земного миропорядка, который устраняет первопричину хаоса, ассоциирующегося с образом многоголового чудовища-людоеда.

Мифы о Сартакпае как о культурном герое

В другом цикле мифов и преданий в роли демиургов выступают отец с сыном, т. е. Сартакпай с сыном Адучы-мергенем. Совместно они направляют известные реки Алтая по новым руслам. До вмешательства героев реки Алтая, «бросаясь с камня на камень, они рвались в клочья. Дробились в ручьи, натываясь на горы. Надоело Сартакпаю видеть слезы алтайских рек, надоело слушать их немолчный стон. И задумал он дать дорогу алтайским водам в Ледовитый океан» [Гарф, Кучияк 1939: 3–4].

Сартакпай указательным пальцем правой руки прочертил новое русло с берега Теплого озера (Дылы-Кёль) и потекла река Чолышман. Затем указательным пальцем левой руки он провел борозду между гор для реки Башкаус, а пальцем правой руки повернул ее к холмам Кёк-Баша. Так она стала притоком реки Чолышман [Суразаков 2015: 119]. В этом сюжете упоминание правой и левой руки не просто художественный прием, а отражение неких представлений о том, что левая сторона не может быть создающей, поэтому логичное завершение творения совершается правой рукой. «Оказывается, левой рукой я тоже работать умею. Однако не годится такое дело левой рукой творить» [Гарф, Кучияк 1939: 4].

Сын Сартакпая — Адучы с горы Белуха провел борозду на запад для самой главной водной артерии Алтая — Катунь. Отец ждал сына в Чолышманской долине, воткнув палец в землю. Под его палец натекло много воды. Так образовалось Телецкое озеро (Алтын Кёль) [Гарф, Кучияк 1939: 5]. Надо отметить, что в текстах таких мифов указываются все излучины и повороты рек, названий мест и гор, сопков, которые существуют на самом деле. Таким образом, тексты мифов проецируют карту реального ландшафта.

В основной сюжет мифа о творении нового русла для алтайских рек органично на-

пластовывается сюжет о том, как кормится дятел. В знак благодарности за исполнение его просьбы Сартакпай учит дятла, «как всегда сытым быть». Он советует дятлу не искать червей в земле, не гоняться за мошками по ветвям деревьев, а, уцепившись за ствол, стукнуть клювом по коре и прокричать, что сын Караты-хана зовет всех на свадьбу. И все черви, букашки и мошки выбегут из-под коры [Гарф, Кучияк 1939: 5]. Вследствие вкрапления этиологического сюжета в миф творения содержание приобретает синкретическое начало.

В цикле сюжетов о том, как Сартакпай выстрелом из лука разрубил вершину горы [Гарф, Кучияк 1939: 5–6], также присутствуют указания на конкретные природные объекты. В одном из вариантов этого мифа повествуется о том, что Сартакпай, находясь в долине Чобы, присел отдохнуть на круглый камень, тот прогнулся от тяжести богатыря. Алтайцы теперь его называют *Ойык-Таи* ‘Камень с трещиной’ [Несказочная проза 2011: 235].

Однажды Сартакпай натянул тетиву лука и выстрелил. Стрела коснулась верхушки одной крутой горы, и она до основания раскололась. На месте удара стрелы осталась расщелина. Поэтому это место называют *Юзюк* ‘Гора с расщелиной’. Когда стрела ударила в верхушку горы, отлетевшие камни, сгруппировавшись на правом берегу реки Чамал и образовали небольшой хребет. Алтайцы называют его *Беишек* ‘Выпуклость’. Отколовшиеся камни полетели вниз и упали справа от горы Кирее. Стоящие рядом горы Мажыгак и Тарбаан затряслись. Теперь эти места называют *Соон-Саадак* ‘Стрела-Колчан’ [Несказочная проза 2011: 237–239].

Таким образом, в мифологических сюжетах прослеживается попытка дать объяснение происхождению ряда природных объектов на территории Алтая и связать эти объекты с мифическими героями прошлого. В данном случае это не просто обозначение определенного природного места конкретным наименованием, а наполнение жизненного пространства этнокультурным топосом, превращающим окружающее пространство в родной Алтай. Наличие такой культурной функции в религиозно-мифологической системе алтайцев является одной из ее специфических особенностей.

Мифы о Сартакпае как о творце природных объектов

Своеобразным является цикл сюжетов о том, как Сартакпай строил мосты через бурные горные реки. Так, в одном из таких сюжетов повествуется о том, как Сартакпай выдолбил кинжалом большую дыру в высокой скале на одном берегу реки, потом выпустил стрелу в такую же скалу на другом берегу, которая тоже пробила в ней дыру. Между этими скалами он подвесил мост [Каташ 1978: 32].

Причиной строительства моста стала смерть молодых влюбленных, оказавшихся на противоположных берегах непреодолимой бурной горной реки [Алтайские мифы 1994: 74]. В данном сюжете лирическая тема представляет позднейшее напластование на более древний сюжет о культурных различиях (свой – чужой). Напомним, что влюбленные являются представителями разных культурных обществ древности — охотников и скотоводов. Горная река — это некий символ культурного разделения, непреодолимого препятствия. Эту преграду можно преодолеть только с помощью культурного героя, которым в данном сюжете выступает Сартакпай. Он строит мост через бурную реку.

Другая версия сюжета о строительстве моста связана с еще более архаичными представлениями. Сартакпай вместе с сыном строит мост через реку Катунь — самую большую реку Алтая. Герой решает возвести его в самой узкой части реки и предварительно собирает огромные валуны вместе с сыном. В один из дней сын отпросился у отца, чтобы повидаться с женой. Отец наказал ему, чтобы он не вступал в интимные отношения с женой. Однако этот запрет был нарушен. Вследствие этого незаконченный мост Сартакпая разрушился. Богатырь сразу понял причину его обрушения [Гарф, Кучияк 1939: 6]. Воздержание относится к числу обетов, связанных со священнодействием. Строительство моста таковым и является, поскольку это акт сотворения и созидания, которое требует физической и духовной чистоты.

В этом сюжете есть упоминание о том, что Сартакпай использовал молнию вместо источника света, чтобы работать ночью. «Сартакпай поднял руку, поймал молнию и вставил ее в расщепленный ствол пихты.

При свете пойманной молнии Сартак-пай стал строить мост» [Гарф, Кучияк 1939: 6].

Нарушители обета — сын и его жена, испугавшись гнева отца, превратились в гусей. Сартакпай стал кидать им вслед камни. Эти огромные камни, лежащие вразброс между селами Малый Яломан и Иня Онгудайского района, с тех давних пор стали называть «Камни Сартакпая» [Гарф, Кучияк 1939: 7]. Рядом с местом строительства моста в местности Кюр-Кечю есть выступ скалы, похожий на профиль человека. Выступ этот называют лицом богатыря Сартакпая [Несказочная проза 2011: 235].

Берега реки Катунь в указанной местности, действительно, удобны для строительства моста. По преданию, знаменитый ойратский военачальник Амар-Сана¹ просверлил отверстия в прибрежных камнях и, натянув веревку, переправился через Катунь [Алтайские мифы 1994: 75]. Известно, что издревле алтайцы на лодках пересекали в этом месте Катунь и там же переплавляли табуны. Иначе говоря, обозначенное в сюжете место строительства мифического моста оказалось используемым в реальной жизни.

По всей видимости, люди еще в древности умели распознавать разную скальную породу. Поэтому и выделили россыпь огромных валунов, назвав их «Камнями Сартакпая» [Несказочная проза 2011: 235]. Известно, что геологическое исследование камней уже в наше время подтвердило тот факт, что они отличаются от пород близлежащих камней, т. е. эти валуны были перемещены издалека силой природных явлений. Как видим, и в этом случае миф в силу присущей ему рациональности отражает реальную действительность.

Мифы о природных объектах, связанных с Сартакпаем

Отдельный цикл сюжетов рассказывает об оставленных на Алтае следах богатыря Сартакпая [Суразаков 2015: 119; Потанин 1881: 171]. Судя по их содержанию, следы этого культурного героя есть почти во всех районах Алтая — в местности Карасук Майминского района, в с. Саратан Улаганского района, в местности Аркыт Усть-Коксинского района, в Кош-Агачском и Усть-Канском

¹ Амурсана (1722–1757 гг.) — ойратский князь, возглавивший антиманьчжурское движение.

районах. Они представляют собой отпечатки на камнях, появившиеся от того, что на нем сидел герой вместе со своей собакой, или место, куда наступил его конь [Потанин 1881: 171]. Существуют камни, якобы брошенные им во время охоты на волков. Их называют *кодюрге таи*, т. е. камни для поднятия [Несказочная проза 2011: 235].

В отдельных сюжетах сказано, что Сартакпай оставлял некоторые следы специально, как напоминание о богатырях древних времен. В давние времена один алтайский батыр шел вместе со своей собакой с лунно-солнечными глазами вверх по реке. Вокруг не было ни камня, на который можно было бы присесть и отдохнуть. Увидел он только один большой камень и вместе с собакой залез на него. Отдохнув, он произнес: «Пусть наши следы как память о нас останутся. Наши следы увидят и богатырями-кезерами назовут». С тех пор алтайцы называют его «Камень батыра» или «Камень Сартакпая» [Несказочная проза 2011: 236–237].

Оленные камни, встречающиеся по всему Алтаю, алтайцы называют камнями-коновязями (*чаки таи*) Сартакпая. Считается, что текст и рисунок на этих камнях также принадлежит ему. Другими словами, он признается и создателем письма [Алтайские мифы 1994: 74].

Существуют сюжеты, повествующие о смерти Сартакпая. Согласно одному сюжету, записанному Г. Н. Потаниным, Сартакпай погиб в обледеневшем озере, будучи обманутым Еджен-ханом, который уговорил его сидеть в ледяной воде, пока не образуются девять слоев льда. Когда богатырь оказался в ловушке, Еджен-хан стал ездить по льду на телеге и колесами убил Сартакпая [Потанин 1883: 285–286].

По другим преданиям, он внезапно скончался в Чуйской долине. «Сартак-пай расседлал коня, бросил на большой камень стопудовый кичим (потник) и, чтобы он скорее высох, повернул камень к солнцу, а сам сел рядом и умер» [Гарф, Кучияк 1939: 7].

В некоторых сюжетах говорится, что он скончался от старости. «Сартакпай в местности Коту от старости скончался. Его съели собаки Коту» [Алтайские мифы 1994: 388]. Название местности, скорее всего, — искаженная передача названия западномонгольской местности Кобдо (Ховд), а съедение его тела собаками есть указание на традицию на-

земного захоронения. В отдельных текстах говорится о том, что Сартакпай ушел в земли Монголии и занимался там устройством русел монгольских рек [Суразаков 2015: 119].

Заключение

Мифы, легенды и предания о Сартакпае (Сартактае) имели широкое распространение в фольклоре многих народов, проживавших на обширной территории Центральной Азии и Южной Сибири. Вне зависимости от имевшихся культурных различий между тюркскими и монгольскими народами у всех он выступает как культурный герой, демиург, формирующий культурный космос, как богатырь, избавляющий людей от чудовища-людоеда или трехголового змея [Несказочная проза 2011: 32]. Мифологические сюжеты, в которых переплетаются реальность и вымысел, свидетельствуют не только о синкретизме их содержания, но также и о существовании некогда исходного древнего пласта нарратива, связывающего древние и новые мифологические слои.

Литература

- Алтайские мифы 1994 — Алтай кеп куучындар (= Алтайские мифы и легенды) / сост. Е. Е. Ямаева, И. Б. Шинжин. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. 414 с.
- Апродов 1962 — *Апродов В. А.* 6000 километров по МНР. Записки геолога. М.: Географгиз, 1962. 207 с.
- Бурдуков 1969 — *Бурдуков А. М.* В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М.: Наука, 1969. 419 с.
- Гарф, Кучияк 1939 — *Гарф А., Кучияк П.* Сказки Алтая. М.: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1939. 100 с.
- Дамдинжав 2004 — *Дамдинжав Ц.* Архангай аймгийн Өлзийт сумын түүхийн товчоон (= Краткий очерк истории Олзийт сомона Архангайского аймака). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 2004. 128 с.
- Каташ 1978 — *Каташ С. С.* Мифы, легенды Горного Алтая. Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во, 1978. 112 с.
- Катуу 2003 — Баруун Монголын домог, хуучяриа. Эмхэтгэн боловсруулж оршил бичсэн Б. Катуу, Ч. Дашзэвэг (= Мифы и предания старины Западной Монголии / сост., введение Б. Катуу и Ч. Дашзэвэг). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2003. 184 х.
- Монгол домог 1984 — Монгол домог / удиртгал, тайлбар хийж, эмхэтгэсэн Х. Сампилдэндэв (= Монгольские мифы и предания / сост., коммент. и подготовка к печати Х. Сампилдэндэва). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1984. 230 х.
- Мөнхбаяр 2006 — *Мөнхбаяр Ч.* Сартагтайн домог (Түүхэн домог болох нь) (= Предания о Сартактае (проблема историчности преданий)). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2006. 162 с.
- Мөнхбаяр 2014 — *Мөнхбаяр Ч.* Домог түүхийн эх сурвалж болох нь (Сартагтайн домгийн жишээн дээр) (= Историчность преданий в письменных источниках (на примере преданий о Сартактае)) // Полевые исследования: сб. тр. Вып. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 49–77.
- Намсарай 1969 — *Намсарай Н.* Ховд аймгийн Эрдэнэбүрэн сумын газар нутгийн нэрс (= Топонимы Эрдэнэбүрэн сомона Ховд аймака). Ховд: Аймгийн хэвлэлийн газар, 1969. 123 с.
- Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 520 с.
- Несказочная проза 2011 — Несказочная проза алтайцев / сост., подгот. текстов, прим., коммент. и указатели Н. Р. Ойноткиновой, И. Б. Шинжина, К. В. Ядановой, Е. Е. Ямаевой; отв. ред. тома Н. А. Алексеев. Новосибирск: Наука, 2011. 563 с. (Памятники фоль-

- клора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 30). (На алт. и рус. яз.).
- Окладников 1982 — *Окладников А. П.* Открытие Сибири. 3-е изд., доп. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1982. 206 с.
- Потапов 1983 — *Потапов А. П.* Мифы алтае-саянских народов как исторический источник // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая / отв. ред. Н. С. Модоров. Горно-Алтайск: Горно-Алт. НИИ истории, яз. и лит., 1983. С. 96–110.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 1026 с.
- Потанин 1881 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. II. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1881. 337 с.
- Потанин 1948 — *Потанин Г. Н.* Путешествия по Монголии. М.: Географгиз, 1948. 481 с.
- Пропп 1986 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. 362 с.
- Сампилдэндэв 1978 — *Сампилдэндэв Х.* Монгол дахь Сартагтайн домог (= Монгольские мифы о Сартактае) // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал (= III Международный конгресс монголоведов). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1978. Х. 253–257.
- Суразаков 2015 — *Суразаков С. С.* Алтай фольклор. 2-е изд., доп., ред. А. А. Конунов. Горно-Алтайск: Горно-Алтайск. кн. изд-во, 2015. 320 с.
- the Altai People. Novosibirsk: Nauka, 2011. 563 p. Folklore Monuments of Siberia and Far East 30. (In Alt. and Russ.)
- Okladnikov A. P. Discovering Siberia. 3rd ed., suppl. Novosibirsk: Eastern Siberia Book Publ., 1982. 206 p. (In Russ.)
- Potani G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Vol. II: Ethnographic Materials. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1881. 337 p. (In Russ.)
- Potani G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Vol. IV: Ethnographic Materials. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1883. 1026 p. (In Russ.)
- Potani G. N. Travels in Mongolia. Moscow: Geografiz, 1948. 481 p. (In Russ.)
- Potapov A. P. Myths of Altai-Sayan peoples as a historical source. In: Modorov N. S. (ed.) The Mountainous Altai: Issues of Archaeology and Ethnography. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Institute for the Study of History, Language and Literature, 1983. Pp. 96–110. (In Russ.)
- Propp V. Ya. Historical Roots of the Magic Tale. Leningrad: Leningrad State University, 1986. 362 p. (In Russ.)
- Sampildendev Kh. (comp.) Mongolian Myths and Tales. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1984. 230 p. (In Mong.)
- Sampildendev Kh. Mongolian myths of Sartagtay. In: Third International Congress of Mongolists. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1978. Pp. 253–257. (In Mong.)
- Surazakov S. S. Altaian Folklore. 2nd ed., suppl. A. Konunov (ed.). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Book Publ., 2015. 320 p. (In Alt.)
- Yamaeva E. E., Shinzhin I. B. (comps.) Altaian Myths and Legends. Gorno-Altaysk: Ak Chechek, 1994. 414 p. (In Alt.)

References

- Aprodov V. A. Six Thousand Kilometers across the Mongolian People's Republic: Notes of a Geologist. Moscow: Geografiz, 1962. 207 p. (In Russ.)
- Burdukov A. M. In the Old and New Mongolia: Memoirs, Correspondence. Moscow: Nauka, 1969. 419 p. (In Russ.)
- Damdinjav Ts. Ölziit Sum of Arkhangai Province (Mongolia): A Brief Historical Essay. Ulaanbaatar: State Publ. House, 2004. 128 p. (In Mong.)
- Garf A., Kuchiyak P. Folktales of the Altai. Moscow: Detizdat, 1939. 100 p. (In Russ.)
- Katash S. S. Myths and Legends of the Mountainous Altai. Gorno-Altaysk: Altai Book Publ., 1978. 112 p. (In Russ.)
- Katuu B., Deshzeveg Ch. (comps.) Myths and Legends of Western Mongolia. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2003. 184 p. (In Mong.)
- Mönkhbayar Ch. Historicity of tales in written sources: Legends of Sartagtay analyzed. In: Field Studies. Coll. papers. Vol. 2. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. Pp. 49–77. (In Mong.)
- Mönkhbayar Ch. Tales of Sartagtay: The Historicity Issue Revisited. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2006. 162 p. (In Mong.)
- Namsarai N. Erdenebüren Sum of Khovd Province (Mongolia): Toponyms Analyzed. Khovd: [Khovd] Aimag Publ. House, 1969. 123 p. (In Mong.)
- Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia: Myth and Ritual. Moscow: Indrik, 2019. 520 p. (In Russ.)
- Oinotkinova N. R., Shinzhin I. B., Yadanova K. V., Yamaeva E. E. (comps.) Non-Folktale Prose of